

Anacharsis
1/1 (2026), 113–125
© The Author(s) 2026

Анахарсис
1/1 (2026), 113–125
© The Author(s) 2026

DOI: 10.32608/3033-9448-1-1-113-125

ПРАКТИКА ДИНАСТИЧЕСКИХ БРАКОВ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ НИЗМЕННОСТЯХ МАЙЯ В VI–VIII ВВ*

С.А. Даньшина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: danshinasophia@gmail.com

ORCID : 0009-0004-0324-0779

Аннотация: В статье рассматривается политическая система классических майя, в которой выделяется три категории династических браков, служившие инструментом в руках элиты для реализации различных интересов, например, легитимизации власти или установления иерархии. В работе проанализированы примеры гипергамных династических браков, предполагавших, что более могущественный правитель берет себе в жены царевну из менее значимой политии. Матримониальные связи не были случайными и преследовали конкретные политические цели с обеих сторон. Вопросом в таком случае будет – какие задачи могли быть реализованы посредством брачных связей между династиями, а сама степень их «реализованности» и итоги, последовавшие за междинастическими браками, могут стать ответом на проблему их эффективности.

Ключевые слова: майя, политическая система, династические браки, Центральные низменности

PRACTICE OF DYNASTIC MARRIAGES IN THE CENTRAL MAYA LOWLANDS IN THE 6TH–8TH CENTURIES

Sophia A. Danshina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: danshinasophia@gmail.com

ORCID : 0009-0004-0324-0779

Abstract: The article examines the political system of the Classic Maya and identifies three categories of dynastic marriage within it. These marriages functioned as instruments in the hands of the elite to pursue various objectives, such as the legitimation of power and the establishment of hierarchical relations. The study analyzes examples of hypergamous dynastic marriages, in which a more powerful ruler takes as his wife a princess from a less significant polity. Matrimonial ties were not random; rather, they were oriented toward specific political goals on both sides. In this context, the key question concerns which objectives could be achieved through dynastic marital alliances. The degree to which these aims were realized, as well as the outcomes that followed interdynastic marriages, may serve as indicators of their effectiveness.

Keywords: Maya, political system, dynastic marriages, Central Lowlands

* Данные об авторе. Даньшина София Алексеевна – магистрант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки МГУ имени М.В. Ломоносова.

ВВЕДЕНИЕ

Политическая система Центральных низменностей майя была очень разнообразна и состояла из множества мелких и крупных политических образований, общее число которых доходило до ста. Центральные низменности охватывали территории современного департамента Петен в Гватемале, Белиза и южную часть штата Кампече, Кинтана-Роо в Мексике. Периферийные области региона майя составляли в классическую эпоху бассейн реки Усумасинты или Западные низменности, низменности Табаско, предгорья Чиапаса, долина р. Мотагуа и Северный Юкатан, впрочем, эти земли были также активно вовлечены в систему политических связей.

В политической системе майя центральное место занимал правитель политики – царь, сакрализованная и наделенная особой сущностью магической царственности фигура¹. Власть правителя носила персональный характер, царство скорее рассматривалось как его хозяйство, а все происходящее в нем – как результат деятельности самого царя. Идеология власти была отражением интересов и нужд элиты, верхняя прослойка которой состояла из представителей родовой группы царя². Взаимоотношения между государствами также носили индивидуальный характер, причем реализовались они в рамках элитных связей.

Сфера влияния царств древних майя во многом формировалась вокруг созданной ими системы связей-союзов, предполагавшей развитие не только политических, но также экономических и культурных взаимоотношений³. В таком случае, реализация интересов конкретной династии, пусть даже она будет совсем мелкой, во многом зависела от того, какое место в политической системе она займет по отношению к верховным правителям региона. В таком случае, если крупные владыки достигали господства за счет выстраивания союзнических и вассальных отношений и вовлечения в орбиту влияния большего числа политий⁴, то политические стратегии менее значительных царств состояли в позиционировании себя в региональной системе альянсов и завоеваний.

Большую роль в межгосударственных отношениях играли родственные связи, превращавшиеся царской идеологией в инструмент манипуляции легитимностью, престолонаследием, динамикой вассальных связей. В таком случае важным фактором внешнеполитической деятельности царств майя становились междинастические браки, посредством которых устанавливались тесные взаимодействия между династическими группами разных царств и реализовывался идеологический потенциал родства, «сама социальная природа которого позволяет объявлять и считать родственниками не только тех, кто является таковыми

¹ Beliaev, Tokovinine 2005, 131.

² Martin, Grube 2008, 14–15.

³ Martin 2020, 352–353.

⁴ Martin, Grube 2008, 20.

биологически»⁵. Взаимодействие царских фигур-носителей власти, тем более кровное их родство, не просто определяло развитие межгосударственных отношений, но и носило сакральный характер.

Экзогамный брак представлялся одним из центральных инструментов в построении политических альянсов, определения иерархии и формировании царственной идентичности в династической традиции классических майя⁶. Кроме того, матримониальные альянсы играли значительную роль в расширении правящего линиджа, нередко определяя наследственные права его членов⁷. В брачных стратегиях различных династий могли воплощаться не только узкие интересы элитной группы, но также и ее традиционная внешнеполитическая ориентация и связанные с ней представления о высшей власти, а также осмысление иерархии в политической системе.

Представленные в изучаемых источниках династические браки можно разделить на три категории: гипогамные, то есть те, в которых невеста представляет династию более высокого порядка, чем ее супруг; гипергамные, предполагавшие, что более могущественный правитель берет в жены царевну из менее значимой политики; или вовсе браки между правителями одного уровня, то есть изогамные⁸. Понятно, что матримониальные связи в рамках каждой категории не были случайными и преследовали конкретные политические цели с обеих сторон. Заключение династического брака фиксируют упоминания о прибытии царевен в центр другой политики, *huli* – «она прибыла»⁹, ссылки на родственные связи с другим царством по материнской линии, используя указание на деда по материнской линии, *ʔu-tam* – «он его дед»¹⁰, и прямое обращение к женской фигуре как к *y-atan*, «его жене» или матери: *y-aal*, «он ее ребенок», *ʔu-baah ʔu-juʔntahn*, дифразизм «он ее лик, ее забота» и *y-ʔanax*, «она его мать»¹¹. Впрочем, глагол *huli* в иероглифических надписях имеет достаточно большое количество значений, связывая действия субъектов с временными и пространственными категориями, в нашем же случае, он, очевидно, указывает именно на экзогамные связи, поскольку местной представительнице элиты «прибывать» в царство не нужно¹². Заметим при этом, что в крупных центрах, заключавших династические браки с более мелкими, преобладают в качестве «маркеров» сообщения о родственных связях, в то время как менее значительные политики, получившие в свою династию

⁵ Bondarenko 2012, 30.

⁶ Matsumoto 2024, 1.

⁷ Vázquez López 2017, 11.

⁸ Marcus 1992, 224.

⁹ Helmke, Savchenko 2024, 14; Davletsin, Vepretskiy 2025, 35.

¹⁰ Martin 2020, 175.

¹¹ Davletsin, Vepretskiy 2025, 34.

¹² Martin 2020, 121–122.

представительниц могущественных линиджей, обращаются ко всем способам демонстрации матримониальной связи.

Полигамия расширяла возможности династических браков как политического инструмента¹³. Так, даже один царь мог заключить несколько матримониальных союзов разного характера, то есть женившись, например, на царевне из царства-сюзерена, дети от которой не только сохраняют «царственность» в крови, но и даже увеличат ее за счет связи с более высокой династией, что, в свою очередь, позволит им предъявить больше прав на престол; вторым браком взять в жены представительницу подвластной династии, чтобы укрепить иерархические связи; а третьим – и вовсе жениться на дочери сахалы¹⁴, увеличив так поддержку знати¹⁵.

Могущественные правители Центральных низменностей – правители Мутуля и Кануля, конечно, обладали большей свободой, в отличие от своих вассалов, в выборе брачной партии и могли исходить из практических интересов развития отношений с конкретным царством, поскольку за царской невестой обязательно следовал «кортеж» сопровождающих ее придворных, а также из целей установления более чуткого контроля над менее надежными вассалами или исполнения союзных договоров.

МАТРИМОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРЕЙ ТИКАЛЯ

В конце VI в. в орбиту влияния Мутуля (археологический памятник Тикаль), одной из наиболее могущественных политий классического периода, по всей видимости, вошли Йокель и, возможно, Башвиц (археологический памятник Шультун) и Саиль (археологический памятник Наранхо), связанные с династиями, царившими в Тикале, кровными узами. В тексте Стелы 10 из Тикаля, посвященной правлению Чак-Ток-Ич'ака III (486–508), в пассаже о разрушении «... страны царя Масуля» (TIK:St.10, E9-D10)¹⁶, подчеркивается роль не самого тикальского владыки, который видел какое-то действие, совершенное с царем Масуля, нелокализованной политии, а некого Чувааха, деда, царя Йокеля, которого еще и сопровождал Балам-Мам-... (TIK:St.10, G4-F8). Вполне возможно, что под Чуваахом, царем Йокеля, понимался отец жены Чак-Ток-Ич'ака III, упоминаемый также на Стелах 12 и 25, а «эмблемный иероглиф» этого правителя исследователи связывают с археологическим памятником Агуакаталь в Петене¹⁷. Под другим действующим лицом в этом событии, Ба-

¹³ Martin 2020, 180.

¹⁴ Сахали – представители местной элиты в Центральных низменностях, исполнявшие функции царей на местах. Сахали вели собственный линидж и рассматривались как локальные администраторы. В конце VIII в. функции сахалей меняются: они становятся придворными с административными функциями.

¹⁵ Martin 2025, 50.

¹⁶ Beliaev et al 2013, 483–486; Jones, Satterthwaite 1982, fig. 14, 15, 89.

¹⁷ Beliaev et al 2013, 74.

лам-Мамом, можно рассматривать консорта Иш-Йокин (511–527), 19-го царя Тикаля Каломте-Балама (511–527)¹⁸. В таком случае, перенос акцента на деда по материнской линии и мужа Иш-Йокин отвечает необходимости легитимизации положения тикальской царицы и ее консорта как полноправных правителей Мутуля, подчеркивая триумф предка царицы. Стела 25 из Тикаля и вовсе изображает мать Иш-Йокин, царицу Йокеля, выделяя ее статус, как принято полагать, первой жены Чак-Ток-Ич'ака III¹⁹, что могло послужить основанием для восшествия ее дочери на престол.

Чак-Ток-Ич'ак III имел также жену из Шультуна, на что указывает надпись на Стеле 17 из Тикаля, называющая дедом по материнской линии Вак-Чан-К'авиля (537–562), следующего после Иш-Йокин царя Мутуля, Упакаль-К'инича, царя Башвица (TIK:St.17, H3–G5)²⁰. Отсылка к правителю крупного центра к северо-востоку от Тикаля также могла служить средством заявления высокородного происхождения по обеим линиям. Видимо, подтверждение прав на престол Тикаля было важным для правителя, пришедшего к власти при сложных обстоятельствах после правления Иш-Йокин и Каломте-Балама, а также неизвестного 20-го правителя династии²¹.

Потерпев в 562 г. поражение от Кануля (археологический памятник Цибанче, с VII в. также памятник Калакмуль), Тикаль вошел в период упадка, испытав при этом череду династических кризисов²². Лишь в VIII в. с воцарением в Мутуле правителя Хасав-Чан-Кавиля (682–734) древнее царство начинает восстанавливаться после 130-летнего кризиса. Уже в VIII в. мы видим, что, согласно надписи на Стеле 5 из Тикаля, мать мутульского владыки Йихкин-Чан-К'авиля (734–746) Иш-Вельналь-К'авиль носила титул царицы Йокмана (TIK:St.5, D7–D8)²³, до сих пор нелокализованной политики, правители которой, видимо, попали в вассальную зависимость от Тикаля. Получается, на рубеже VII–VIII вв. тикальский царь Хасав-Чан-К'авиль заключил династический альянс с линиджем не крупного политического образования, вероятно, в Петене. Интересно, что для продолжения лишь недавно восстановившейся от потрясений династии Хасав-Чан-К'авиль выбрал первой женой представительницу не столь значительного линиджа. Возможно ли, что для династии, претендующей на верховную власть в регионе и осознающей себя как одна из ведущих сил, авторитетность родовой группы, с которой она может вступить в матримониальную связь, не носило такой же важности как в противоположных ситуациях. Ведь по сути исключительной мутульской царственностью, позволявшей

¹⁸ Beliaev et al 2013, 74.

¹⁹ Beliaev et al 2013, 96.

²⁰ Beliaev et al 2013, 506–509; Jones, Satterthwaite 1982, fig. 24, 25, 95.

²¹ Martin, Grube 2008, 39.

²² Martin, Grube 2008, 38.

²³ Beliaev et al 2013, 468; Jones, Satterthwaite 1982, fig. 7, 8, 86.

претендовать на престол в Тикале, потомков наделяла именно патрилинейность.

МЕЖДИНАСТИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ В ЦАРСТВЕ ХУШВИЦА

Пример еще одной междинастической унии записан на Стеле 3 из археологического памятника Караколь, центра царства Хушвица на юго-востоке Центральных низменностей, посвященной Тум-Оль-К'иничу II (618–658), воцарившемуся в Караколе в 618 г. и поддерживавшему тесные связи с Канулем. В целом, нарратив, посвященный биографии царицы-матери Тум-Оль-К'инича II, открывает сам монументальный текст – сразу после начальной серии упоминается рождение священной женщины Иш-Тиволь-Эк в 566 г. (CRC:St.3, A1–A8)²⁴. Стела сохранила сведения о ее происхождении – ее отец, Шомаш, был царем Йаши, некрупного центра к северу от Караколя, а мать, Иш-(Цам)-Кук, названа царевной К'антока, местоположение которого неизвестно (CRC:St.3, B9–B10). Похоже, как и в случае с Иш-Тиволь-Эк, так и с ее родителями, речь идет о династическом браке.

Возможно, союз, который мог последовать за браком правителя Йаши и царевны К'антока, был частью традиционной внешнеполитической программы одного из царств или же попыткой мелких царств объединиться перед лицом более крупных. Сохранившиеся упоминания об этом не позволяют сделать более точных выводов, однако, к счастью, текст на Стеле 3 помогает выделить в династической истории царства Йаша другое значимое событие. Царевну из этого небольшой политики удалось выдать замуж за правителя куда более высокого порядка – Караколь в VI в. был крупным царством, располагавшим значительными ресурсами и не менее масштабными амбициями²⁵.

Иш-Тиволь-Эк, царевна Йаши, прибыла в город Хушвица в 584 г. (CRC:St.3, A14–A16) – она стала женой правителя Караколя Йахавте-К'инича (553 – ок. 593), а спустя 4 года был рожден Сак-Вициль-Бах, будущий правитель Караколя Тум-Оль-К'инич II. Отметим, что между двумя событиями, связанными с биографией царевны, появляется ссылка на какое-то действие, которое совершил Ут-...-Чан, священный царь Кануля (CRC:St.3, B12–A13). К сожалению, памятник не сохранил блоков, которые можно было бы прочитать и понять, какое конкретно действие предписывалось канульскому правителю. С.В. Вепрецкий указывает на возможное утраченное в этом месте упоминание некоторого детского ритуала, связанного с царевной Йаши²⁶. Тем не менее, ссылка на владыку такого значимого царства как Кануль, появившаяся в середине нарратива о царевне Йаши, явно указывает на связь династической стратегии Караколя и особого значения политической воли Кануля.

Отсутствие упоминаний о каких-либо «карательных» действиях со

²⁴ Beetz, Satterthwaite 1981, fig. 3, 4.

²⁵ Martin, Grube 2008, 88–90.

²⁶ Vepretskiy 2024, 103.

стороны сюзерена, да и в целом ссылка на династический брак с Караколем в тексте, подтверждающем вассальное положение по отношению к Канулю, подталкивает к выводу, что установление династической связи между Йашой и Караколем, как минимум, не противоречило воле сюзерена. Более того, ссылка на какое-то конкретное действие канульского владыки перед пассажем о прибытии царевны Йаши в Хушвица может говорить если не об инициативе Кануля в этом событии, но точно об определенном к нему отношении. Возможно, брак был частью политической программы расширения влияния Кануля, которая могла воплощаться в создании более тесных связей между вассалами.

МАТРИМОНИАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ КАНУЛЬСКИХ ЦАРЕЙ

О династических браках канульских царей с представительницами менее могущественных династических групп известно меньше, чем о стратегии этих правителей в отношении собственных царевен. Видимо, основные браки в нем были эндогамными²⁷, что, впрочем, не мешало царям периодически брать в жены царевен из подчиненных династий. Так, по предположению Д.Д. Беляева, канульский царь VI в. Йукном-Ут-...-Чан был женат на каракольской царевне, причем кровная связь, однако, не стала препятствием для воцарения каракольского правителя Йахавте-К'инича II по повелению тикальского царя Вак-Чан-К'авиля в 553 г. Впрочем, уже через три года каракольский правитель, видимо, вышел из-под влияния Мутуля, за чем последовал карательный поход Тикаля в 556 г.²⁸, а уже во втором военном столкновении с Вак-Чан-К'авилем в 562 г. Караколь выступал союзником канульского царя К'ак'-Ти-Ч'ич'а (550–571)²⁹. Возможно, изменение политической ориентации Караколя могло в определенной степени отсылать к этой родственной связи³⁰.

Победа К'ак'-Ти-Ч'ич'а положила начало безоговорочному господству Кануля в Низменностях, запустив, одновременно, период хиатуса в Тикале, характеризующийся отсутствием надписей и возможным правлением ставленников победившего царства³¹. А в 572 г. с воцарением в Караколе Йахавте-К'инича II по повелению канульского владыки Йукном-Ут-...-Чана, и это крупное царство на востоке Низменностей стало зависимым от растущего гегемона. Однако уже к концу VI в. Караколь, видимо, выходит из зоны влияния Кануля, что вызвало, в свою очередь, нападение царя последнего, Йукном-Ти-Чана, на город и возвращение его под свой контроль в 617 г., а на следующий год в Канту, который ассоциируется с археологическим памятником Караколь, воцарился

²⁷ Martin 2020, 180.

²⁸ Vepretskiy 2024, 96; Martin 2020, 246–247; Martin, Grube 2008, 39; Beliaev 2000, 211.

²⁹ Martin, Beliaev 2017, 4; Martin 2020, 247; Vepretskiy 2024, 101.

³⁰ Vepretskiy 2024, 104.

³¹ Martin, Grube 2008, 40; Beliaev 2001, 214.

Тум-Оль-К'инич, признавший власть канульского владыки³².

Более известный пример в династической истории Кануля связан с браком Укай-Чана (579–613) и Иш-Бель, царевны Чикнаба – областью, ассоциирующейся с археологическим памятником Калакмуль, в результате которого в 600 г. был рожден Йукном-Ч'ен II (636–686). Однако, по всей видимости, царевна из Калакмуля не была первой женой канульского владыки Укай-Чана, оттого Йукном-Ч'ен II не имел первостепенного права наследования, а его братом, похоже, от главной жены Укай-Чана, по мнению С.В. Вепретского, был Тахом-Ук'аб-К'ак' (622–630), в открытую борьбу за власть с которым Йукном-Ч'ен вступает около 627 г.³³ Отражение его меньших прав на власть в глазах вассалов Кануля исследователь находит в надписи на Стеле 3 из Караколя, где все упомянутые канульские владыки, кроме «Йукном-Головы», под которым и следует понимать Йукном-Ч'ена II, носят «эмблемный иероглиф» Кануля³⁴. По всей видимости, последний не воспринимался легитимным правителем или даже претендентом на престол, хотя ко времени установки стелы, 637 г. (CRC:St.3, E10), он уже воцарился в Калакмуле. Обратим при этом внимание, что хотя Иш-Бель, казалось бы, должна была иметь большое значение при дворе как представительница другой, отнюдь не малой, авторитетной родовой группы, она не была главной женой, а ее ребенок не был наделен особыми, превосходящими остальных правами на престол. В отношении же политики Йукном-Ч'ена II заметим, что происхождение матери, видимо, сыграло важную роль при переносе столицы царства.

Мать Йукном-Ич'ак-К'ак'а Иш-Нах-Балам носит тот же титул *Huxte' Tuun kalo'mte'* – «каломте Хуштетуна» (CLM: St.9, H3–H4)³⁵, что и мама Йукном-Ч'ена II. Поскольку Иш-Бель происходила из династии правителей Калакмуля, топонимический эпитет к титулу *Huxte' Tuun* можно так же рассматривать как указание на происхождение Иш-Нах-Балам из области Калакмуля. Вполне логично, что Йукном-Ч'ен II после переноса столицы в Чикнаб желал укрепить свою поддержку в среде местной элиты, взяв в жены представительницу хуштетунской знати.

МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ САИЛЬСКОГО ЦАРСТВА

В последнее десятилетие VII в. Саильское царство, располагавшееся в восточном Петене, активизировало внешнюю политику, захватив за короткий срок больше десяти соседних царств. Когда в 693 г. в Саиле, центр которого ассоциируется с археологическим памятником Наранхо, воцарился К'ак'-Тилив-Чан-Чак (693–726) в возрасте всего пяти лет, управление Наранхо, вероятно,

³² Vepretskiy 2024, 116–118.

³³ Vepretskiy 2024, 141–142.

³⁴ Vepretskiy 2024, 184.

³⁵ Ruppert, Denison 1943, pl. 48; Vepretskii 2024, 154–155.

перешло в руки его матери – царевны Южного Мутуля (археологический памятник Дос-Пилас) Иш-Вак-Чан-Халам-Ахав-Лем (682–741), а военная активность была направлена на возвращение в орбиту влияния центров, отколовшихся от Наранхо во время вероятного предшествующего династического кризиса³⁶. Так, видимо, чтобы утвердить власть над завоеванными областями или в качестве демонстрации силы, царевна подчиненного в 693 г. Тубаля (NAR:St.22, E16)³⁷ была отдана в жены царю Саиля К’ак’-Тилив-Чан-Чаку. Об этом матримониальном союзе свидетельствует пассаж на Стеле 13 из Наранхо, где царь К’ак’-Укалав-Чан-Чак (755–780) обращается к своему происхождению, называя матерью Иш-Унен-Балам, царевну Тубаля (NAR:St.13, G4–G6)³⁸. Имя царицы, сходное с тем, что носила тикальская правительница IV в., а также божество-покровитель Йаш-Мутуля, может подсказывать, что прежде это некрупное царство было связано с тикальской династией. Этой же стратегии последовал и сын К’ак’-Тилив-Чан-Чака, К’ак’-Укалав-Чан-Чак, правивший в Наранхо в третьей четверти VIII в.³⁹, женившись на дочери царя Йашхи, причем этот брак, видимо, последовал за успешным военным походом в центр Петена – на это вновь указывают родственные связи его сына, Ицам-Коках-К’авиля (784–810) (NAR:St.8, E5–E6)⁴⁰. Более того, последний также был женат на царевне из Йашхи⁴¹, вероятно, такая матримониальная преемственность может указывать на особенную важность этого некрупного центра во внешнеполитических связях Наранхо и развитие дипломатических отношений или вновь на военное столкновение с Йашхой, которое могло завершиться, как и в прошлом, взятием в жены царевны проигравшей стороны. В последнем случае, это может показывать, что брак К’ак’-Укалав-Чан-Чака и представительницы царского дома Йашхи не смог предупредить нового конфликта.

ПРАКТИКА ДИНАСТИЧЕСКИХ БРАКОВ

ПРАВИТЕЛЕЙ ЮЖНОГО МУТУЛЯ

В VII в. в области Петешбатун, в южных Низменностях майя, в результате междоусобной борьбы в Тикале возникло царство Южный Мутуль с центром в археологическом памятнике Дос-Пилас, который ассоциируется с резиденцией ветви мутульской династии. Браки с женщинами из зависимых линиджей практиковали и правители Дос-Пиласа – Бахлах-Чан-К’авиль (648–692) был женат на царевне некрупного центра Ицама, сыновья от которой, Ицам-Коках-Балам и Ицам-Коках-К’авиль (698–726), затем унаследовали престол Южного Мутуля.

³⁶ Helmke, Savchenko 2024, 12–20.

³⁷ Beliaev et al 2015, 307.

³⁸ Beliaev et al 2015, 305.

³⁹ Martin, Grube 2008, 80–81.

⁴⁰ Closs 1989, 247–248; Beliaev et al 2015, 299.

⁴¹ Stewart 2009, 212.

Женой Бахлах-Чан-К'авиля также была Иш-Буль, носившая титул западная каломте – она упоминается на монументах Иш-Вак-Чан-Халам-Ахав-Лем, ее дочери (NAR:St.24, E8–D10)⁴². Последняя была выдана замуж за правителя Саильского царства, и после его смерти правила в этой области в качестве регента при сыне К'ак'-Тилив-Чан-Чаке. Причем, отсутствие в титуле Иш-Буль «эмблемного иероглифа», а также редкое для региона майя имя может говорить об ее происхождении из более отдаленной области, возможно, не входившей в политическую систему Низменностей⁴³. Матримониальный союз с местной царской династией Ицама укреплял положение пришлого мутульского линиджа в Петешбатуне⁴⁴, в то время как возможный брак с представительницей далекой и высокой династии (поскольку она носила престижный титул западная каломте) мог подчеркнуть претензии Бахлах-Чан-К'авиля на власть в Тикале, как полноправного правителя всей династии, а не одной лишь ее боковой ветви.

На Панели 19 из Дос-Пиласа, повествующей о событиях VIII в. изображен ритуал «первого покаяния» молодого царевича Южного Мутуля Кавиль-Чан-К'инича (741–761), сына Ицам-Коках-К'авиля⁴⁵. Во время этого события, произошедшего в 736 г., с царевичем находились, как показывает иконография монумента, царствовавший на тот момент ...-Ти-К'авиль (727–741) с женой Иш-G1-К'авиль, царевной Канкуэна, а также два воина, один из которых назван канульцем (DPS:Pan.19, R2)⁴⁶. Если, по мнению С. Мартина, упоминание придворного в таком виде может связывать его с Калакмулем⁴⁷, то С.В. Вепретский предлагает рассматривать это упоминание как ссылку на происхождение сановника из Цибанче⁴⁸. Впрочем, это не мешает говорить о продолжавшихся связях Дос-Пиласа с Калакмулем, что подтверждается, например, ономастической формулой третьего правителя Южного Мутуля, целиком скопированной с имени канульского царя «Йукном-Головы» II. Такая практика указывает на тесные связи и даже подконтрольное положение одной политики по отношению к другой⁴⁹. Канкуэн, ключевое царство на пути в Гватемальское нагорье, также вошел в орбиту влияния Кануля еще в годы правления Йукном-Ч'ена II, когда местный правитель воцарился по повелению канульского владыки⁵⁰. Тем не менее, с ослаблением регионального могущества Кануля в VIII в. Дос-Пилас, вероятно, все больше претендовал на полновластие на юге Низменностей.

Установление матримониальной связи с династией Канкуэна обещало

⁴² Beliaev et al 2015, 309.

⁴³ Beliaev et al 2015, 123–124.

⁴⁴ Houston 1993, 102.

⁴⁵ Martin, Grube 2008, 60–61.

⁴⁶ Houston 1993, fig. 3.23, 4.19.

⁴⁷ Martin 2020, 424.

⁴⁸ Vepretskiy 2024, 195.

⁴⁹ Vepretskiy 2024, 195; Pérez et al 2013, 118.

⁵⁰ Vepretskiy 2024, 154–155.

правителю Южного Мутуля возможность распространить контроль над частью коммуникационных маршрутов по р. Пасьон в этом регионе. В таком случае интерес к династическому браку с Канкуэном был вызван не только стремлением к утверждению политического влияния в регионе, но и возможностью крупного обогащения, что, впрочем, также могло служить целям легитимизации власти, ведь «материальное богатство царя представлялось показателем его доступа к божественным источникам земного процветания»⁵¹. О высоком статусе, которым, вероятно, пользовалась Иш-G1-K'авиль, говорит ее богатое захоронение, найденное в 1990 г. в погребальной камере под Иероглифической Скамьей 1 в Дос-Пиласе, на которой зафиксирована дата ее смерти⁵².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном нами исследовании мы пришли к следующим выводам: матримониальные союзы составляли центральное место во внешнеполитических стратегиях царств самого различного порядка. Так, стабильная система союзов зависимых царств, в которой прежде всего были заинтересованы верховные правители, цари Тикаля и Кануля, например, осуществлявшие военно-политическую экспансию в регионе, могла иметь в своей основе широкую сеть родственных отношений между элитными группами. Менее могущественные, но все же претендующие на региональную власть царства, как Наранхо и Караколь, были более заинтересованы в заключении равностатусных или гипергамных матримониальных союзов, как одном из проявлений престижного взаимодействия, при этом, возможно, стараясь уклоняться от перспективы приема при своем дворе прибывающих канульских или тикальских царевен, вместе с которыми, несомненно, в мотивы политических действий царя и элиты проникали внешние интересы и стратегии, поэтому именно гипергамные браки можно считать доминирующими в письменных источниках в этом регионе.

В гипергамных браках менее значимые династии могли как добровольно вступать в матримониальную связь, так и принуждаться к этому силой, в результате военного поражения, например. Несомненно, здесь отчетливо проявляется асимметрия гипергамных отношений⁵³. Мы видим, что междинастические браки, в которых могущественные династии брали в жены представительниц менее авторитетных родовых групп, могли разрешать как общединастические задачи воспроизводства «царственного» потомства, так и утверждать вассальные связи с царствами и закреплять военные завоевания, а также обосновывать властные полномочия самих правителей.

⁵¹ Graeber, Sahlin 2017, 15.

⁵² Houston 1993, 115.

⁵³ Martin 2020, 185.

ЛИТЕРАТУРА

- Beliaev, D.D. 2000: Rannee gosudarstvo u maya klassicheskogo perioda: epigraficheskie i arkhеologicheskie dannye [The early state among the Classic Maya: epigraphic and archaeological data]. In: Kradin, N.N., Korotaev, A.V., Bondarenko, D.M., Lynsha, V.A. (eds), *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative pathways to civilization]. Moscow, 186–196.
- Беляев, Д.Д. Раннее государство у майя классического периода: эпиграфические и археологические данные. В сб.: Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации*. М., 186–196.
- Beliaev, D.D. 2001: *Formirovanie i razvitie gosudarstvennoi organizatsii u maiya Petena v klassicheskii period (I tys. n. e.)* [The formation and development of state organization among the Petén Maya in the Classic period (1st millennium CE)]. PhD dissertation. Moscow.
- Беляев, Д.Д. *Формирование и развитие государственной организации у майя Петена в классический период (I тыс. н.э.)*: Дис. ... канд. ист. Наук. М.
- Beliaev, D.D., Tokovinin, A.A. 2005: Sakral'naya vlast' mayayskikh tsarey (III–IX vv. n.e.) [The sacred power of Maya kings (3rd–9th centuries AD)]. In: *Sakralizatsiya vlasti v istorii tsivilizatsiy* [Sacralization of power in the history of civilizations]. Moscow. Part 1, 146–160.
- Беляев, Д.Д., Токовинин А.А. Сакральная власть майяских царей (III–IX вв. н.э.). В сб.: *Сакрализация власти в истории цивилизаций*. М., Ч. 1, 146–160.
- Beliaev, D., Tokovinine, A., Vepretskii, S., Luin, K. 2013: Los monumentos de Tikal. In: Beliaev, D., de León, M. (eds.): *Proyecto Atlas Epigráfico de Petén, Informe Fase I*. Guatemala.
- Beliaev, D., de León, M. (eds.), Galeev, Ph., Vepretskii, S. 2015: *Proyecto Atlas Epigráfico de Petén, Informe Fase III*. Guatemala.
- Beetz, C.P., Satterthwaite, L. 1981: *The Monuments and Inscriptions of Caracol, Belize*. Philadelphia.
- Bondarenko, D.M. 2012: Gosudarstvo i ideologiya rodstva [The state and the ideology of kinship]. In: Kradin, N.N. (ed.), *Politicheskaya antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshchestv: materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Political anthropology of traditional and modern societies: proceedings of the international conference]. Vladivostok, 30–42.
- Бондаренко Д.М. Государство и идеология родства. В сб.: Н.Н. Крадин (отв. ред.) *Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции*. Владивосток, 30–42.
- Closs, M.P. 1989: The Dynastic History of Naranjo: The Late Period. In: William F. Hanks and Don S. Rice (eds.), *Word and Image in Maya Culture. Explorations in Language, Writing and Representation*. Salt Lake City, 244–255.
- Davletsin, A., Vepretskii, S. 2025: Los textos mayas nos hablan de mujeres. *Arqueología Mexicana* 192, 30–35.
- Graeber, D., Sahlins, M. 2017: *On Kings*. Chicago.
- Helmke, C., Savchenko, I. 2024: El legado de la Señora Seis Cielo: Sucesiones dinásticas problemáticas en Naranjo en el siglo VIII d.C. *Estudios De Cultura Maya* 64, 11–35. <https://doi.org/10.19130/iifl.ecm.64.2024/0011wx00s891>
- Houston, S.D. 1993: *Hieroglyphs and History at Dos Pilas. Dynastic Politics of the Classic Maya*. Austin.
- Jones, C., Satterthwaite L. 1982: *The Monuments and Inscriptions of Tikal: The Carved Monuments*. Philadelphia. <https://doi.org/10.2307/j.ctt5vkd2h>
- Mallory E. Matsumoto. 2024: Classic Maya deity concurrence: Brides, gods, and interdynastic ritual exchange. *Journal of Anthropological Archaeology* 76. <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2024.101632>
- Marcus, J. 1992: *Mesoamerican Writing systems. Propaganda, Myth, and History in Four Ancient Civilizations*. Princeton.
- Martin, S., Grube, N. 2008: *Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering of the Dynasties of the Ancient Maya*. London.
- Martin, S., Beliaev, D. 2017: *K'ahk' Ti' Ch'ich'*: A New Snake King from the Early Classic Period. *The PARI Journal* 17(3), 1–7.

- Martin, S. 2020: *Ancient Maya Politics. A Political Anthropology of the Classic Period 150-900 CE*. Cambridge.
- Martin, S. 2025: Políticas matrimoniales entre los mayas del clásico. *Arqueología Mexicana* 192, 48–53.
- Pérez, G.; Guenter, S., Freidel, D., Castañeda, F. y Navarro, O. 2013: El descubrimiento de la Estela 44 de El Perú-Waka': un nuevo capítulo en la historia de los mayas antiguos del noroeste de Petén, Guatemala. In: B. Arroyo, L. Méndez Salinas y A. Rojas (eds.), *XXVII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala*, 117–124.
- Stewart, D. 2009: *Parentage Statements and Paired Stelae: Signs of Dynastic Succession for the Classic Maya*. Brigham Young University, Provo, UT.
- Vázquez López, V. 2017: Pact and marriage: socio-political strategies of the Kanu'l dynasty and its allies during the Late Classic Period. In: Monika Banach, Christophe Helmke and Jarosław Żrałka (eds.), *Contribution in New World Archaeology*. Vol. 11. Kraków, 9–48.
- Vepretskiy, S.V. 2024: *Politicheskaya istoriya Kanul'skogotsarstvapo epigraficheskimi istochnikami* [The political history of the Kanul kingdom based on epigraphic sources]. PhD dissertation. Moscow. Вепрецкий, С.В. *Политическая история Канульского царства по эпиграфическим источникам*. Дис. ... канд. ист. наук. М.

